

DOI: 10.31857/S032103910012254-2

ХЕРСОНЕС – ХЕРСОН, ПАНТИКАПЕЙ – ВОСПОР: ВОПРОС ИДЕНТИЧНОСТИ ИЛИ ОБЩЕИМПЕРСКИЙ ПРОЦЕСС?

А. Ю. Виноградов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: auvinogradov@hse.ru

В статье выдвигается предположение, что смена имен городов с Херсонеса на Херсон и с Пантикапея на Воспор была обусловлена не столько общеимперскими процессами переименования городов в ранневизантийский период, сколько христианизацией этих периферийных греческих полисов. В Боспорском царстве постепенная и ненасильственная христианизация и появление кафедры Вооплорос с центром в столице царства – Пантикапее ускорили начавшееся еще раньше отождествление последнего со всем Боспором и привели к постепенной смене имени уже христианского города в рамках новой, христианской идентичности боспорян. В Херсонесе насильственное утверждение христианства и частичная смена населения в начале 390-х годов привела, по всей видимости, к прерыванию локальной исторической памяти и быстрой деформации древнего ойконима, возможно, переосмысленного лексически, что хорошо укладывается в рамки формирования новой, христианской идентичности города с конца IV в.

Ключевые слова: Боспор, Херсонес, Северное Причерноморье, Византия, ономастика, топонимика, христианство

CHERSONESUS – CHERSON, PANTICAPAEUM – BOSPOROS: A QUESTION OF IDENTITY OR AN EMPIRE-WIDE PROCESS?

A. Yu. Vinogradov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

E-mail: auvinogradov@hse.ru

Данные об авторе. Андрей Юрьевич Виноградов – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории медиевистических исследований, доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ.

В данной научной работе использованы результаты проекта «Культурные модели европейского Средневековья», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году. Автор сердечно благодарит Ш. Альбрехта, И.А. Макарова, А.В. Подосинова и А.И. Солопова за ценные советы.

The article suggests that the change of city names from Chersonesus to Cherson and from Panticapaeum to Bosporos was caused not so much by the general imperial trends in renaming cities in the early Byzantine period, as by the Christianization of these peripheral Greek *poleis*. In the Bosporan Kingdom the gradual and non-violent christianization and the emergence of the diocese Βοσπόρου with its centre in the capital of the kingdom, Panticapaeum, accelerated the earlier identification of the latter with all of Bosporus and led to a gradual change of the Christian city name in the context of the new identity of the *Bosporanoi*. In Chersonesus the forcible establishment of Christianity and the partial change of population in the early 390s apparently resulted in the interruption of local historical memory and a rapid deformation of the ancient toponym, possibly reinterpreted lexically, a process best understood within the framework of the formation of a new, Christian, identity of the city from the late fourth century AD.

Keywords: Bosporus, Chersonesus, Northern Black Sea region, Byzantium, onomastics, toponymy, Christianity

Кризис Римской империи и «варваризация» античного мира породили и такое примечательное явление, как изменение названий у многих городов, которое создало даже потребность в списках переименованных полисов¹. Но, в отличие от эллинистического и римского периодов, эти новые ойконимы, как правило, уже не были связаны с именами монархов или их приближенных. Византийское имя города могло быть и совершенно новым, и трансформацией старого. Не обошел стороной процесс переименования городов и Северное Причерноморье: так, Феодосия превращается в Кафу², а Гермонасса — в Таматарху³. В настоящей работе мы сосредоточимся на смене имени у двух крупнейших политических центров Северного Причерноморья: Херсонеса-Херсона и Пантикапея-Воспора⁴. Мы хотим посвятить ее светлой памяти Сергея Ремировича Тохтасьева, нашего коллеги, наставника и друга, который так много сделал для изучения ономастики Северного Причерноморья.

I. Замену ойконима Пантикапей именем Βόσπορος пытался объяснить еще Ю.А. Кулаковский, а именно концом Боспорского царства в 1-й половине IV в.⁵, однако теперь мы знаем, что оно существовало до начала VI в. (см. ниже). Данный вопрос значительно поляризовал и последующих исследователей: если одни фиксировали замену ойконима в VI в. н.э., т.е. после перехода Боспора под власть империи, то другие вообще предполагали континуитет названия города Βόσπορος от аттических ораторов IV в. до н.э. или даже ранее, а некоторые настаивали и на его первичности сравнительно с Пантикапеем⁶. Увы, этим вопросом занимались

¹ Diller 1970, 27–42. Впрочем, города Северного Причерноморья в них не упоминаются.

² Первое упоминание нового имени, восходящее, вероятно, к VI в., — Const. Porph. *Adm.* 53 (о датировке этого фрагмента см. Vinogradov 2013, 40–58). Имя Θεοδοσία у Епифания Монаха (*Vita S. Andr.* 34) в 1-й половине IX в. взято скорее всего из античной надписи (см., Vinogradov 2005, 258; 2008, 67–72).

³ Tokhtas'ev 2012, 75–81.

⁴ В дальнейшем мы будем использовать античное произношение «Боспор» для пролива и территории Боспорского царства, а византийское «Воспор» — для города; «Херсонес» — для античного города, а «Херсон» — для византийского.

⁵ Kulakovskii 1896, 189.

⁶ См. Podosinov 1997, 155–171; Tokhtasiev 1999, 89–90, прим. 69; Molev 2018, 287–295.

чаще всего историки, мало обращавшие внимание на источниковую и филологическую составляющую проблемы.

Наконец, совсем недавно, в одной из своих последних работ С. Р. Тохтасьев поставил этот вопрос иначе — о причине смены рода у имени Βόσπορος в византийский период: «Обращает на себя внимание загадочный факт: этот топоним в качестве наименования города (древний Пантикапей) выступает в DAI в ж.р. (κάστρον: 37. 49; 42. 82, 92; πόλις, стольный город Савромата: 53. 27, 35, 40, 42, 43, 99, 102, 104, 177, 223, 231 sq.), хотя содержащееся в нем (по древней народной этимологии) λόρος доныне сохраняет м.р., а кроме того в ср.-греч. активно шел процесс исчезновения слов ж.р. на -ος (Hatzidakis G.N. *Die altgriechischen Feminina auf -ος*; idem. *Einleitung*. S. 23 ff.). Может быть, ж.р. перенесен с подразумеваемого πόλις resp. χώρα, как это, по-видимому, с ж.р. Πόντος ‘страна’ (χώρα) у Малалы (194, 33; под влиянием θάλασσα?); ср. Nicet. Paphl. Laud. Ap. Andr. 208, 7: καταλαμβάνει τὴν Βόσπορον πόλιν. Именно такого рода feminina на -ος многократно засвидетельствованы в н.-кипр. (см. Kretschmer P. // *Glotta*. 1909. 1. Bd. S. 366); ср. также н.-греч. родосск. ἡ Κάστελλος (Hatzidakis G.N. *Einleitung*. S. 28, наряду с м.р.); правда, по данным словарей (Sophocles. GLRBP. P. 632), в византийских источниках соответствующий апеллатив редок (обычно καστέλλιον [ср. 15.7 и Приложение I. 6], καστέλλο [Κριαράς Е.Г. Λεξικό.s.v.] — из ит.) и всегда м.р. Во всяком случае Βοσπόρη sc. χώρα в Georg. Mon. 56, 9 (= Symeon. Chron. 31.1) не может служить параллелью, так как в источнике Георгия Амартола — Chron. Pasch. 48, 14, стоит Βοσπορήνῃ (из Hippolyt. Diamerism. 84. 10, где Βοσπορινή)»⁷.

Чтобы разрешить эту нелегкую проблему, нам придется сначала вернуться к вопросу Кулаковского, когда же именно произошла смена имени города с Пантикапея на Воспор и, добавим, смена объекта, обозначаемого именем Βόσπορος. Чтобы дать ответ на него, мы сочли необходимым сперва критически перепроверить его источниковую базу, осуществив просмотр всех литературных (по базе данных TLG) и эпиграфических (по базе данных PHI 7) упоминаний имен Παντικάπαιον и Βόσπορος (в папирусах, согласно базам данных PHI 7 и rurgii.info, они не встречаются), с привлечением материала из других языков. Проведенный нами анализ этих упоминаний дал следующие результаты.

1. Имя Пантикапей выходит из реального употребления, по всей видимости, уже к V в. н.э. Если оставить в стороне его позднейшую фиксацию у авторов антикварного направления (St. Byz. s.v. Βόσπορος, Παντικάπαιον; Ps.-Agg. 49, 50, 56 (где оно поясняется именем Βόσπορος); Const. Porph. *Them.* Europa, 12), то последние упоминания Пантикапея как существующего города встречаются у Евтропия (VII. 9) в 364–378 гг. и Аммиана Марцеллина (XXII. 8. 26) в 378–391 гг.

2. Аттические ораторы IV в. до н.э. нигде не используют имя Βόσπορος для обозначения именно города — в часто приводимом примере из речи Демосфена (*Lept.* 33) говорится лишь об ἐμπορίων... τοῦ Βοσπόρου «боспорском торговом порту», т.е. старом эмпории боспорских царей на проливе Боспор Киммерийский, который противопоставляется их новой торговой гавани в Феодосии⁸.

⁷ Tokhtas'ev 2018, 233–234, прим. 1058.

⁸ Вопреки Podosinov 1997, 162.

Более того, аттическим ораторам было хорошо известно имя Пантикапей (D. (?) *Lacr.* 31, 32, 34). Большинство античных источников упоминают Боспор применительно к его царям, без уточнения характера этого топонима, однако, например, Арриан (19. 1) прямо называет Пантикапей городом Боспора. Не помогает тут и ссылка и на титул Левкона «архонт Боспора и Феодосии» в его надписях (*CIRB* 6, ба, 8, 1111), так как здесь скорее точно так же противопоставляются не два города, а старые (Боспор) и новые (Феодосия) владения боспорских царей⁹. Попытка Ю.А. Кулаковского увидеть в *Bosporus/Bosphorus* у Цицерона (*Mur.* 34) и Проперция (*El.* III. 11. 68) имя города — явная натяжка, так как выражения *Bosporum confugisset* и *Bosphore capta* вполне могут подразумевать и Боспорское царство.

3. Между этими авторами и поздней античностью (см. ниже) единственным несомненным примером применения имени Βόσπορος к Пантикапею остается свидетельство Плиния Старшего (*NH.* IV. 78): *Panticapaeum quod aliqui Bosporum vocant* «Пантикапей, который другие называют Боспором». Однако Плиний, который в других местах (*NH.* IV. 87; XVI. 137) четко различает Боспор и Пантикапей, в данном пассаже — к тому же взятом у Варрона, — говорит о расстояниях между портами, так что и здесь подразумевается, по всей видимости, второе название Пантикапейского порта — Боспорский (см. выше). Вольность в обращении с географической номенклатурой и отсутствие других боспорских городов заставляют понимать Βόσπορος как царство, а не как город и в надписи *IOSPE I*² 39 (рубеж II—III вв.): ὅσαι πόλεις ἐστεφάνωσαν Θεοκλέα Σατύρου ἥρωα χρυσείοις στεφάνοις Ὀλβιπολεῖται, Νεικο[μ]ηδεῖς, Νεικαιεῖς, Ἡρακλεῶται, Βυζάντιοι, Ἀμαστριανοί, Τιανοί, Προυσεῖς, Ὀδησσεῖται, Τομεῖται, Ἰστριανοί, Καλλατιανοί, Μείλητος, Κύζικος, Ἀλάμεια, Χερσόνησος, Βόσπορος, Τύρα, Σινώπη «Сколько городов увенчали Феоклея, сына Сатира, как героя золотыми венцами: ольвиополиты, никомедийцы, никейцы, гераклеоты, византийцы, амастрийцы, тианцы, прусийцы, одесситы, томиты, истрийцы, каллатийцы, Милет, Апамея, Херсонес, Боспор, Тира, Синопа».

4. Еще в IV — начале V в. н.э. имя Βόσπορος используется для обозначения территории или пролива. В греко-сирийском списке подписей под актами I Вселенского Собора 325 г. Βόσπορος/Βοσιανον фигурирует не среди городов, а среди провинций империи и сопредельных областей (...Γαλλία, Γουθθία, Βόσπορος)¹⁰. Астерий Амасийский (*Hom.* 9. 12; ср. 14. 11) на рубеже IV—V вв. говорит о «скифах: и тех, которые владеют сушей по ту сторону Эвксинского Понта, живя близ Меотидского озера и реки Танаис, и тех, которые населяют Боспор и тянутся до реки Фасис (ἄσσοι τε Βόσπορον οἰκοῦσι καὶ ἄχρι Φάσιδος ποταμοῦ παρατείνονται)».

5. Первый, кто прямо говорит о πόλις Βόσπορος, — уже упоминавшийся выше Евтропий (VII. 9), который в 364—378 гг. включает в перечисление земель «Понтийское побережье и его крупнейшие города: Воспор и Пантикапей». Очевидно, Евтропий был не очень хорошо осведомлен в географии Северного Причерноморья, и потому не совсем ясно, откуда именно у него появился «город Воспор»: из смешения города с территорией Боспорского царства (либо с Боспорским

⁹ См. также Podosinov 1997, 162, прим. 3.

¹⁰ Ruggieri 1993, 350, n. 140.

портом) или из реального существования нового имени Пантикапея. Та же неясность имеется и в свидетельстве Иоанна Златоуста (*Ep. Olymp.* 9), который в самом начале V в. говорит о новом епископе для готов, который из-за зимних бурь не может отплыть к своей пастве: οὐδὲ... εἰς τὸν Βόσπορον νῦν, οὐδὲ εἰς τὰ μέρη ἐκεῖνα «ни... на Боспор теперь, ни в те края», — здесь трудно решить однозначно, что имел в виду Златоуст: Боспор как пролив, Боспорское царство или город Воспор-Пантикапей.

6. Последнее, впрочем, вполне возможно, так как именем Βόσπορος уже однозначно называет именно город современник Евтропия, Астерия и Иоанна Златоуста Епифаний Кипрский, упоминаящий в 374–377 гг. (*Pan.* I. 182) некоего человека по имени Βόσπορος, «которому соименен город, называющийся Воспор, на Эвксинском Понте». Примечательно, что мы встречаем здесь не только имя Βόσπορος как название города, но и прежде неизвестную эпонимическую легенду о его основателе.

7. Первым случаем официального именованя города именем Βόσπορος следует считать, по всей видимости, титул епископа Евдоксия в деяниях IV Вселенского Собора в Халкидоне (451 г.). И если в протоколах он назван просто Εὐδόξιος Βοσπόρων/Βοσπόρου (*АСО* II. 1. 1, 81, 122), аналогично актам I Вселенского Собора 325 г. (см. выше), что может быть именованьем как по территории, так и по городу, то его подписи под актами однозначны: Εὐδόξιος ἐπίσκοπος πόλεως Βοσπόρου¹¹ — «Евдоксий, епископ города Веспора» (*АСО* II. 1. 1, 146) и Εὐδοξίου τοῦ εὐλαβεστάτου ἐπισκόπου τῆς Βοσπορηῶν πόλεως — «Евдоксия, благоговейнейшего епископа города веспорян» (*АСО* II. 1. 1, 148, 150), где «город веспорян» — типичная для античности парафраза имени города (ср. в соседней подписи τῆς Δοκιμηνῶν πόλεως, т.е. города Докимия). Такая парафраза известна для Пантикапея уже в римский период: [Βοσ]ποριανῶν π[όλεως] в пантикапейской надписи *CIRB* 48 адриановского времени. При этом сам античный катойконим Βοσπορίτης/Βοσποριανός/Βοσπορανός обозначал обитателей всего Боспорского царства (ср., например, *Strab.* XVI. 2. 39; coh(ortibus) X quae appellant(ur) I Batav(orum) (miliaria) et I Hispan(orum) Campagon(um) et I Gall(orum) et Bospo(r)anorum) в надписях *IDR* 14–15, 144 и 157 гг.), тогда как жители собственно Пантикапея обозначались катойконимом Παντικαλαϊτης (например, *CIRB* 37, 389–348 гг. до н.э.) или Παντικαλαϊεύς (*SEG* 17, 236, 197–175 гг. до н.э.; *CIRB* 1048, 93–124 гг. н.э., ср. *St. Byz. s.v.* Παντικαλαῖον).

8. Закрепление за именем Βόσπορος значения города, а не территории Боспорского царства, стало окончательным в VI в., после исчезновения последнего, и выразилось в том числе в образовании формы женского рода (ἡ Βόσπορος), типичной для имен городов (так как ἡ πόλις женского рода). Именно такая форма встречается у Прокопия (*Pers.* I. 12. 7; *Aed.* III. 7, 12), Иоанна Малалы (431, 433), Менандра Протиктора (14). Все это заставляет отнести к городу и квазиэтимологический вариант Βοόσπορος¹² в строительной надписи Евпатерия, стратила-

¹¹ Здесь однозначно имеется в виду город Воспор, так как значение «город Боспора» должно было бы передаваться как πόλεως τοῦ Βοσπόρου.

¹² Tokhtas'ev 2018, 233.

та и дуки Херсона (*IOSPE*³ V 330, 589–590 гг.), который возобновил τόδε τὸ <δ> λαμπρόν ἐν Βοσπόρῳ Κεσάριον «этот вот славный Кесарий в Воспоре».

9. Соответственно, и сама надпись, найденная в 1803 г. в Тамани, происходит, по всей видимости, из Воспора-Керчи, но не из Гермонассы-Тамани, куда она была привезена, вероятно, для строительства Суворовской крепости, а упомянутый в ней Κεσάριον оказывается некой постройкой в Воспоре. Хорошо известен Кесарий — храм Цезаря в египетской Александрии, превращенный в середине IV в. в кафедральный собор города¹³, — такая судьба вполне могла бы постигнуть и здание пантикапейского храма императорского культа. Однако смущает отсутствие в надписи 589–590 гг. упоминания клириков и указания на христианский характер постройки и, напротив, факт выполнения работ высокопоставленным военным, а ведь все ранневизантийские строительные надписи стратилатов и дук говорят о постройке оборонительных или, реже, общественных сооружений, но не церквей¹⁴. В этой связи следует вспомнить о гипотезе А.В. Подосинова¹⁵, что Καισάριον / Καισάρεια с I в. было вторым именем Пантикапея, которое с VI в. (Jord. 32) фиксируется уже в стяженной форме Καεον/Καρέα, — надпись Евпатерия позволяет уточнить, что именем Кесарий мог обозначаться не весь город, а, например, его крепость.

10. Именованье Керченского пролива Боспором, с уточнением «Киммерийский», сохраняется только у византийских антиквариетов (Стефан Византийский, Константин Багрянородный, Евстафий Солунский). Однако в конце X в. Лев Диякон (VI. 8; VI. 10; VIII. 2) Боспором Киммерийским называет уже все Северное Причерноморье или даже устье Днепра, так как именно туда должны были возвратиться упоминаемые им остатки разгромленного флота русского князя Игоря, которые добрались домой (*Повесть временных лет* 6449)¹⁶.

Итак, данные источников позволяют реконструировать, пусть и приблизительно, общую картину смены имени города с Пантикапея на Воспор и параллельной трансформации имени Βόσπορος из обозначения пролива и территории Боспорского царства в имя его столицы. Во 2-й половине IV в. имя Βόσπορος еще применяется к территории Боспорского царства (Астерий), а его столица продолжает называться Пантикапеем (Евтропий, Аммиан). Но в то же самое время, однако не ранее его, именем Βόσπορος начинает называться не только столичная гавань, как прежде, но и сам город (Евтропий, Елифаний Кипрский). Следовательно, город начал именоваться Воспором задолго до конца Боспорского царства, а во 2-й половине IV в. назывался, вероятно, двумя именами (Пантикапей и Воспор). После конца Боспорского царства в начале VI в. и распада Боспора как единой территории имя Βόσπορος, окончательно закрепившееся за городом, переходит в женский род, обычный для ойконимов (возможно, параллельно этому

¹³ *LSJ* s.v. καισάριον.

¹⁴ Vinogradov 2018, 49–52.

¹⁵ Podosinov 1997, 155–171.

¹⁶ Последнее обстоятельство дезавуирует гипотезы о приазовской Руси у Льва Диякона и о предложении Иоанна Цимисхия передать Святославу Керченский пролив (см. Litavrin 1988, 197, прим. 40, 41).

изменяется название столичной крепости (?) *Καيسάρειον* / *Καيسάρεια*, которое не позднее VI в. стягивается в *Сареон*/*Καρέα*).

Сам же факт переноса имени области на город не уникален для Византии: так, император Никифор I (802–812) возродил город Спарту, который назвал именем древней области *Λακεδαιμονία*¹⁷. На механизм такого перехода в нашем случае может указывать вышеупомянутое альтернативное имя Пантикапея — *πόλις Βοσποριανῶν* / *Βοσπορηνῶν* (а такие формы этниконов в античности применялась именно к жителям Боспорского царства, см. выше), фиксируемое во II и V в.: «город боспорян» (= столица Боспора) превращается в «город Воспор» по модели, обратной образованию парафрастических наименований городов (см. выше). Подспорьем этому было известное еще с IV в. до н.э. именование пантикапейского порта именем *Βόσπορος*/*Βοσπόρου*.

Наконец, возвращаясь к вопросу о смене рода у имени *Βόσπορος*, которая окончательно разделила его значения как территории и города, следует различать в ней две стадии. На первой мужской род имени еще сохраняется, но сопровождается уточнением *ἡ πόλις*: такое сочетание *ἡ πόλις ὁ Βόσπορος* засвидетельствовано у Менандра Протиктора (14) и не нуждается в конъектуре (*ἡ πόλις <καὶ> ὁ Βόσπορος* или *ἡ πόλις [ὁ] Βόσπορος*)¹⁸, так как у его современника Агафия Миринейского (109) встречается форма *ἡ πόλις ὁ Φᾶσις*, демонстрирующая аналогичный переход названия географического объекта на город¹⁹. Но уже очень скоро это сочетание сокращается до *πόλις Βόσπορος* (Епифаний Кипрский, акты IV Вселенского Собора и др.), а не позднее VI в. под влиянием *fem.* *ἡ πόλις* и само имя *Βόσπορος* переходит в женский род, типичный для названий греческих городов.

II. Несколько скуднее наши сведения об изменении имени у второго политического центра Северного Причерноморья — Херсонеса, также обладавшего ярко выраженной локальной идентичностью. Впрочем, аналогичный вышеописанному анализ письменных источников позволяет реконструировать общую картину процесса.

1. В 380-х годах город еще назывался своим исконным именем *Χερσόνησος*. На это указывают форма *Cherronesus* у Аммиана Марцеллина (XXII. 8, 32) в 378–391 гг. и титулатура епископа Еферия в подписях под актами II Вселенского собора 381 г.: *nom.* *Χερσόνησος/ἡ Χερσόνησος* в греко-сирийском списке²⁰, *gen.* *Χερσονήσου* в греческом списке и *Cersonissi* в древнем латинском переводе — *Prisca*²¹.

2. Показательно, что латинский перевод тех же подписей в собрании Дионисия Малого (1-я пол. VI в.) дает уже новую форму *Tersonitanus*²² — искаженное *Cersonitanus*, образованную от основы *Cerson-*. До сих пор самыми ранними свидетельствами этой усеченной формы *Χερσών*, *-ῶνος* считались авторы VI в.²³: Феодосий (*De situ* 12; 518–530 гг.) с *nom.* *Cersona* (< *acc.* *Χερσῶνα*); Феодор Чтец (fr. II, 380; вскоре после 518 г.); Юстиниан I (*monoph.* 100); Прокопий

¹⁷ Tokhtas'ev 2018, 389.

¹⁸ См. Vinogradov 2018, 49–52.

¹⁹ *ὁ Φᾶσις* было именем и реки (начиная с Эсхила fr. 155), и города (от Страбона (XI. 2. 17) и до Феофана Исповедника (391; ср. также *АСО* III.2, 494)).

²⁰ Ruggieri 1993, 350, n. 140.

²¹ Turner 1907, 462–463.

²² Turner 1907, 463.

²³ Albrecht 2016, 369–370, Anm. 98.

Кесарийский (*Goth.* IV. 5, 27). К VI в. относится, вероятно, и содержащая данную форму надпись *SEG* 36, 1172 из Синопы.

3. Однако существуют и более ранние ее свидетельства. И если асс. $\text{X}\epsilon\rho\sigma\omega\nu\alpha$ в цитате из Флегонта (II в.) у Константина Багрянородного (*Them.* Егора, 12) представляет собой скорее всего приспособление ойконима к реалиям X в., то точно ко времени до 500 г. относится латинское «Мученичество св. Климента», где город назван *Cerson*²⁴. Наконец, $\text{gen. X}[\epsilon\rho]\sigma\delta\nu\omicron[\varsigma]$ читается в местной надписи *IOSPE*³ V 5²⁵, которая четко датируется 392–393 гг.

4. С V в. имя Херсонес из реального узуса исчезает, сохраняясь только у авторов антикварного направления. Показательно при этом, что у Зосима (IV. 5. 2; кон. V в.) стоит антикизирующая форма $\text{X}\epsilon\rho\rho\acute{o}\nu\eta\sigma\omicron\varsigma$, а в «Перипле» Псевдо-Арриана (2-я пол. VI – сер. IX в.) в заимствованных пассажах стоит Херсонес, в собственных же – Херсон²⁶.

5. При этом следует помнить, что сокращение имени города в $\text{X}\epsilon\rho\sigma\omega\nu$ могло идти не из основы койне $\text{X}\epsilon\rho\sigma\omicron\nu\eta\sigma-$, а из дорической $\text{X}\epsilon\rho\sigma\omicron\nu\alpha\sigma-$, сохранявшейся по крайней мере до III в. н.э. (см., например, gen. pl. катойконима $\text{X}\epsilon\rho\sigma\omicron\nu\alpha\sigma\epsilon\iota\tau\acute{\alpha}\nu$ в местной надписи *IOSPE*³ III 100; рубеж II–III вв. н.э.).

6. Чуть позже, в «темные века» фиксируется еще один вариант трансформации имени города, причем только в производных: катойконим $\text{X}\epsilon\rho\sigma\alpha\kappa\epsilon\varsigma$ (pl.) в местной надписи *IOSPE*³ V 15 (VIII – 1-я треть IX в.) и у Епифания Монаха (*Vita S. Andr.* 34; вкупе с прилагательным $\text{X}\epsilon\rho\sigma\alpha\kappa\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$ ²⁷) и хороним $\text{X}\epsilon\rho\sigma\alpha\kappa\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$ (gen. sing.) в надписи из Басмана *IOSPE*³ V 122 (X–XI вв.)²⁸. Эти примеры указы-

²⁴ Kashtanov, Korolev, Vinogradov 2018, 201–220.

²⁵ В настоящее время поверхность камня эродирована, но ключевые буквы $\sigma\delta\nu\omicron$ хорошо видны на эстампаже начала XX в.

²⁶ Что касается подписи епископа Херсонеса под актами Собора 451 г. (Albrecht 2012, 292–297), то неизвестно, кафедру какого именно Херсонеса он представлял, Критского, Фракийского или Таврического. Подпись епископа Херсона–Херсонеса под актами Собора 691 г. в *cod. Patm.* 271 испорчена (ΓΕΩΡΓΙΟΣ ΕΠΙΣΚΟ- ΧΕΡΣΟΝΗΣΟΥ ΤΗ ΔΟΡΑΝΤΟΣ ΚΑΙ ΤΟΥ ΖΤΑΡΔΥΝΩΝ; Albrecht 2012, 305–306), возможно, из-за неудачной попытки прочтения оригинала, так что трактовать ее однозначно невозможно на фоне $\text{X}\epsilon\rho\sigma\omega\nu\omicron\varsigma$ во всех других списках подписей.

²⁷ Vinogradov 2005, 39–47.

²⁸ Только Дж. Хаксли и Ш. Альбрехт (см. Albrecht 2012, 171–172) пытались отождествить херсаков не с жителями Херсона, а с какими-то негреческими племенами Крыма (например, хазарами или хоцирами). Против такого предположения говорит несколько обстоятельств. Во-первых, маловероятно, чтобы Епифаний Монах, приводя в соседних фразах попеременно имена $\text{X}\epsilon\rho\sigma\omega\nu$, $\text{X}\epsilon\rho\sigma\alpha\kappa\epsilon\varsigma$, $\text{X}\epsilon\rho\sigma\alpha\kappa\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$, не пояснил, что они относятся к разным объектам, и никак не охарактеризовал, вопреки своему обыкновению (ср. модель описания зихов и верхних сугдаев в гл. 32), сам город Херсон, зато описал некое племя, которое апостол не посещал. Во-вторых, все византийские последователи Епифания, как признает и сам Альбрехт, понимают под херсаками именно жителей Херсона; к этому следует добавить также два списка самого жития и его славянский перевод (Vinogradov 2005, 226, 258, 288, 317). Наконец, отождествление херсаков с тюркскими племенами Крыма должно предполагать и наличие у тех флота («херсакский корабль», плавающий из Воспора в Синопу), и самостоятельной грекоязычной гимнографической традиции («херсаки составили алфавитарий Андрея»), что не подтверждается никакими источниками.

вают на новую основу *Χερσακ-*, хотя вряд ли она использовалась для именования самого города, так как реконструируемая начальная форма **Χέρσαξ* должна быть катойконимом, а не ойконимом. При этом в основном катойкониме старая модель сохраняется: *Χερσονησίτης* – *Χερσωνίτης*.

7. Сокращение имени города как таковое не вызывает удивления: ср. Мико из Микале, Додо из Додоны, Сирако из Сиракуз²⁹, а в Северном Причерноморье – Синдос (Mela I. 111) и Синда коме (Ptol. *Geog.* V. 8. 8) из Синдикос лимен³⁰. Однако каков был механизм этого сокращения?

8. Параллельные формы с *Χερσων-* и *Χερσακ-* показывают, что усечение старой основы *Χερσονησ-/Χερσωνασ-* произошло до *Χερσ-*, от чего был образован посредством суффикса *-ακ* (уменьшительного?) катойконим *Χέρσακες*, а посредством суффикса *-ων* – ойконим *Χερσών*. В последней модели ойконим обычно образуется от какого-то географического маркера³¹, которым здесь выступает существительное *χέρσος* «суша»³² (ср. также личное имя *Χέρσων* (IG VII 3149, Ливадия в Беотии, IV–III вв. до н.э.) и причастие *χερσών* «иссушающий, осушающий»).

9. Следует также отметить, что новая форма ойконима сохраняет женский род старого (см., например, Const. Porph. *Adm.* 53), что совсем не обязательно для ойконимов на *-ων*. Этот факт говорит в пользу преемственности между двумя именами города.

Итак, трансформация имени города из *Χερσώνησος/Χερσώνασος* в *Χερσών* произошла не позднее начала 390-х годов, причем период сосуществования двух ойконимов здесь не прослеживается, в противоположность Пантикапею–Воспору. В отличие от Боспора тут не происходило и смены значения топонима: речь идет только о замене древнего ойконима (и катойконима *Χερσονησίτης/Χερσωνασίτης*) его новой, сокращенной версией в рамках обычного для Византии процесса сокращения топонимов (см. выше).

III. Теперь мы, наконец, можем перейти к главному вопросу – о причинах смены имени (причем окончательной, без сохранения древнего названия) у двух крупнейших политических центров Северного Причерноморья.

1. Выше мы видели, что смена эта происходит в них практически одновременно – в самом конце IV – начале V в. Такая хронология исключает влияние на этот процесс ликвидации Боспорского царства при Юстине I (Procop. *Pers.* I. 12) и консолидации византийских владений в Северном Причерноморье при Юстиниане I³³, т.е. внешнее воздействие. Следовательно, причины данного феномена следует искать внутри самого Боспора.

2. Если о политическом укладе Херсонеса–Херсона в конце IV–V в. мы знаем очень мало, то в Боспорском царстве до конца V в. сохранялись его старые политические институты: царская титулатура, должности комитов и других царских

²⁹ Grasberger 1888, 307.

³⁰ Любезно указано С.Р. Тохтасьевым.

³¹ Grasberger 1888, 223–230.

³² Albrecht 2016, 369–370, Anm. 98. Ср. *IK Byzantion* 10 (рубеж эр), где город Византий характеризуется так: [Τὸν με κυ]βιστητῆρα τὸν ἐξ ἄλλος οὐκέτι Νηρεὺς [ποταίνει] χέρσωνδ' ὅδε μετ' ἐκκίσμην – «Выпрыгнул я из пучины – Нерей не пасет меня ныне боле, на сушу сюда переселился ведь я».

³³ Vinogradov 2013, 40–58.

чиновников, а также датировка по локальной эре (см. *IOSPE*³ V 265, 304, 305, 342) — один из ключевых маркеров преемственности местного самосознания. Следовательно, смена имени столицы вряд ли происходила в рамках трансформации политической атрибутики Боспорского царства.

3. Важным изменением в культурном ландшафте Боспорского царства была его постепенная христианизация в течение IV–V вв. Уже в 325 г. епископ Боспора присутствует на I Вселенском Соборе (см. выше), от IV–V вв. до нас дошло полсотни христианских надписей (*IOSPE*³ V 265–306, 326–327, 331–333), и, наконец, в 479–492 гг. строительная надпись Боспорского царя и его чиновников (*IOSPE*³ V 265) начинается с креста как знака официальной христианизации государства. Примечательно, что в 325 г. у всего Боспорского царства был, судя по источникам, один общий епископ (очевидно, с резиденцией в столице — Пантикапее), который носил титул Βοσπόρου, сохранявшийся за епископом этого города и далее (*Not. episc.* 1, 63). Можно осторожно предположить, что основание новых епископских кафедр на Боспоре (письменно засвидетельствована только Фанагорийская — в 519 г.³⁴) при сохранении старого титула Βοσπόρου за епископом его столицы дало толчок к закреплению имени Βόσπορος за Пантикапеем и, как следствие, к его двуименности (фиксируемой у Евтропия), которая имелась уже у пантикапейского порта, и последующему переименованию, а с переходом Боспора под власть империи — и к переходу ойконима Βόσπορος в обычный женский род.

4. Напротив, не прослеживается прямого влияния названия кафедры на трансформацию Херсонес → Херсон, так как титулатура местного епископа меняется вместе с именем города: в 381 г. — Χερσονήσου, а в VI–VII вв. — Χερσῶνος/Chersonis (*Not. Episc.* I. 62)³⁵. Поэтому здесь следует обратить скорее внимание на смутные сведения «Житий епископов Херсонских» (1 пол. VI в. (?)) о кризисе городской идентичности и частичной смене населения в 380 — начале 390-х годов: выселение язычников и поселение в городе христиан, нахождение язычников вне стен и их попытка попасть в город, размещение на постоянное жительство в городе 500 воинов, присланных из Константинополя³⁶. Смена, пусть и частичная, населения города в конце IV в. и постановка его под контроль империи должны были повлечь за собой и смену городской идентичности, которая проявилась и в трансформации древнего имени, уже не понятного новым поселенцам (особенно в дорической форме Χερσόνναος).

5. В пользу такого предположения говорит и первый свидетель формы Χερσῶν — надпись 392–393 гг. о строительстве стены (ср. выше, о конфликте у стен), поставленная имперскими чиновниками: трибуном Флавием Витом и комитом Евферием, чье прибытие в город связано, видимо, с принудительными мерами по водворению в нем христиан³⁷. Получается, что новое имя города официально продвигается имперскими чиновниками и закрепляется здесь вместе с утверждением христианства (ср. возможное влияние причастия χερσῶν с позитивной коннотацией — «осушающий»).

³⁴ См. Vinogradov 2013, 40–58.

³⁵ Albrecht 2012, 303.

³⁶ Vinogradov 2010, 52–53, 70–71, 81.

³⁷ См. Zuckerman 1991, 527–554; Vinogradov 2010; 2013, 40–58.

6. Столь внезапно утвержденный новый официальный ойконим, представляющий собой простое сокращение старого названия, вряд ли мог возникнуть ex nihilo, без какой-либо предыстории. Поэтому можно с осторожностью предположить, что форма Χερσών уже бытовала в IV в., например как уменьшительное название города в нем самом или в Константинополе (ср. выше, о Мико, Додо, Сирако), и была взята на вооружение имперскими чиновниками в противовес старому, «языческому» имени Χερσώνησος/ Χερσόνασος.

Подводя итог, мы рискуем предположить, что смена имен городов с Херсонеса на Херсон и с Пантикапея на Воспор была обусловлена не столько общеимперскими процессами переименования городов в ранневизантийский период, сколько христианизацией этих периферийных греческих полисов, хотя проявилось это влияние по-разному. В Боспорском царстве постепенная и ненасильственная христианизация и появление кафедры Воупόров с центром в столице царства – Пантикапее ускорили начавшееся еще раньше («эмпорий Боспора», «город боспорян») отождествление последнего со всем Боспором и привели к постепенной смене имени уже христианского города в рамках новой, христианской идентичности боспорян. В Херсонесе, напротив, насильственное утверждение христианства и частичная смена населения в начале 390-х годов привела, по всей видимости, к прерыванию локальной исторической памяти и быстрой деформации древнего ойконима, возможно, переосмысленного лексически, что хорошо укладывается в рамки формирования новой, христианской идентичности города с конца IV в.

Литература / References

- Albrecht, S. 2012: *Quellen zur Geschichte der byzantinischen Krim*. (Monographien des RGZM, 101). Mainz.
- Albrecht, S. 2016: Cherson als Zentralort auf der südwestlichen Krim (6.–10. Jahrhundert). In: I. Bugarski, O. Heinrich-Tamáska, V. Ivanišević, D. Syrbe (Hrsg.), *Grenzübergänge. Spätromisch, frühchristlich, frühbyzantinisch als Kategorien der historisch-archäologischen Forschung an der mittleren Donau: Akten des 27. Internationalen Symposiums der Grundprobleme der Frühgeschichtlichen Entwicklung im Mittleren Donauraum*, Ruma, 4.–7.11.2015. Remshalden, 355–384.
- Diller, A. 1970: Byzantine lists of old and new geographical names. *Byzantinische Zeitschrift* 63/1, 27–42.
- Grasberger, L. 1888: *Studien zu den Griechischen Ortsnamen*. Würzburg.
- Hatzidakis, G.N. 1885: Die altgriechischen feminina auf -ος im Neugriechischen. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen* 27/1, 82–84.
- Hatzidakis, G.N. 1892: *Einleitung in die neugriechische Grammatik*. Leipzig.
- Kashtanov, D., Korolev, A., Vinogradov, A. 2018: The chronology relating to the hagiographic tradition of St Clement of Rome. In: A. Rigo, M. Trizio, E. Despotakis (eds.), *Byzantine Hagiography: Texts, Themes & Projects*. Turnhout, 201–220.
- Kretschmer, P. 1909: Zur Geschichte der griechischen Dialekte. *Glotta* 1/1, 9–59.
- Kulakovskii, Yu.A. 1896: [To the question of the name of the city of Kerch]. In: *ΧΑΡΙΣΤΗΡΙΑ. Sbornik statey po filologii i lingvistike v chest' F.E. Korsha* [ΧΑΡΙΣΤΗΡΙΑ. Collection of Articles on the Philology and Linguistics in Honour of F.E. Korsch]. Moscow, 187–201.
- Кулаковский, Ю.А. К вопросу об имени города Керчи. В сб.: *ΧΑΡΙΣΤΗΡΙΑ. Сборник статей по филологии и лингвистике в честь Ф.Е. Корша*. М., 187–201.
- Litavrin, G.G. (ed.) 1988: *Leo Diakon. Istorija* [Leo the Deacon. History]. Moscow.
- Лев Диакон. *История*. Пер. М.М. Копыленко, отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.
- Molev, E.A. 2018: [About the double name of the capital of Bosphorus]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials on Archeology and History of the Ancient and Medieval Crimea] 10, 287–295.

- Молев, Е.А. О двойном наименовании столицы Боспора. *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма* 10, 287–295.
- Podosinov, A.V. 1997: [Once again about the origin of the name of the city of Kerch]. In: *Antichnyy mir. Vizantiya: K 70-letiyu professora V.I. Kadeeva* [The Ancient World. Byzantium: On the 70th Anniversary of Professor V.I. Kadeev]. Kharkiv, 155–171.
- Подосинов, А.В. Еще раз о происхождении имени г. Керчь. В сб.: *Античный мир. Византия: К 70-летию профессора В.И. Кадеева*. Харьков, 155–171.
- Ruggieri, V. 1993: The IV century Greek episcopal lists in the Mardin Syriac 7 (olim Mardin Orth. 309/9). *Orientalia Christiana Periodica* 59, 315–356.
- Tokhtasiev, S.R. 1999: [Bosporos]. In: М. Ю. Vakhtina, V. Yu. Zuev, E. Ya. Rogov, V.A. Khrshanovskiy (eds.), *Bosporskiy fenomen: grecheskaya kul'tura na periferii antichnogo mira* [The Phenomenon of Bosporan Kingdom: Greek Culture at the Periphery of Ancient World]. Saint Petersburg, 86–92.
- Тохтасьев, С.Р. ВОСПОРОС. В сб.: М.Ю. Вахтина, В.Ю. Зуев, Е.Я. Рогов, В.А. Хршановский (ред.), *Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира*. СПб, 86–92.
- Tokhtas'ev, S.R. 2012: [From comments to Constantine Porphyrogenitus]. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka* [Written Monuments of the Orient] 1 (16), 75–86.
- Тохтасьев, С.Р. Из комментариев к Константину Багрянородному. *Письменные памятники Востока* 1 (16), 75–86.
- Tokhtas'ev, S.R. 2018: *Yazyk traktata Konstantina Bagryanorodnogo De administrando imperio i ego ino-yazychnaya leksika* [The Language of the Treatise of Constantine Porphyrogenitus De administrando imperio and its Foreign Vocabulary], St. Petersburg.
- Тохтасьев, С.Р. *Язык трактата Константина Багрянородного De administrando imperio и его иноязычная лексика*. СПб.
- Turner, C.H. 1907: *Ecclesiae occidentalis monumenta iuris antiquissima*. Vol. II. *Canonum et conciliorum graecorum interpretationes latinae*. Oxford.
- Vinogradov, A. Yu. 2005: *Grecheskie predaniya o sv. apostole Andree*. T. 1. *Zhitiya* [Greek traditions of St. Andrew the Apostle. Vol. 1. Lives]. St. Petersburg.
- Греческие предания о св. апостоле Андрее*. Т. 1. *Жития*. Изд. подг. А.Ю. Виноградовым. СПб.
- Vinogradov, A. Yu. 2008: [The first epigraphist, “the year from Adam” and Bosporan Apostoleion. A history of the column from Feodosia]. In: A.V. Zakharov (ed.), *Obraz Vizantii. Sbornik statey v chest' O.S. Popovoy* [The Image of Byzantium. Collection of Articles in Honour of O.S. Popova]. Moscow, 67–72.
- Виноградов, А.Ю. Первый эпиграфист, «год от Адама» и воспорский Апостолейон. История феодосийской колонны. В сб.: А.В. Захарова (отв. ред.), *Образ Византии. Сборник статей в честь О.С. Поповой*. М., 67–72.
- Vinogradov, A. Yu. 2010: «Minovala uzhe zima yazycheskogo bezumiya...» *Tserkov' i tserkvi Khersona v IV veke po dannym literaturnykh istochnikov i epigrafiki* [“The Winter of Pagan Madness Has Already Passed...” The Church and Churches of Cherson in the 4th Century According to Literary Sources and Epigraphy]. Moscow.
- Виноградов, А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...» *Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики*. М.
- Vinogradov, A. Yu. 2013: [Chersonesos-Cherson: Two stories of one city. Names, places and dates in the historical memory of a polis]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 40–58.
- Виноградов, А.Ю. Херсонес-Херсон: две истории одного города. Имена, места и даты в исторической памяти полиса. *ВДИ* 1, 40–58.
- Vinogradov, A. Yu. 2018: *Kogda zhe Pantikaпей stal Vosporom?* [When did Panticapaeum become Bosporos?]. In: N.A. Alekseenko (ed.), *Khersonos themata: imperiya i polis. Materialy X mezhdunarodnogo Vizantiyskogo seminar* [ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Empire and Polis. Proceedings of the 10th International Byzantium Seminar]. Simferopol, 49–52.
- Виноградов, А.Ю. Когда же Пантикапей стал Воспором? В сб.: Н.А. Алексеев (отв. ред.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Материалы X международного Византийского семинара*. Симферополь, 49–52.
- Zuckerman, C. 1991. The Early Byzantine strongholds in Eastern Pontus. *Travaux et Mémoires* 11, 527–553.